

И.Г. Оршанский

**Исследования по русскому праву семейному и
наследственному**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
И11

И11 **И.Г. Оршанский**
Исследования по русскому праву семейному и наследственному / И.Г. Оршанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 500 с.

ISBN 978-5-458-65024-3

ISBN 978-5-458-65024-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мы это видимъ на бракѣ. Вотъ почему сами учителя церкви различали въ бракѣ тройственный элементъ: религіозный, правовой и естественный, физическій. Но въ чемъ заключается сущность юридической природы брака? Юристы, имѣя въ виду, что во всѣхъ законодательствахъ болѣе развитыхъ непринужденное согласіе брачующихся считается необходимымъ и главнымъ условіемъ дѣйствительности брака (*consensus facit nuptias* — говорить каноническое право), и что это согласіе двухъ лицъ есть основаніе всего договорнаго права, относятъ по аналогіи бракъ къ числу договоровъ. Но свойство всякаго договора заключается въ томъ, что онъ производитъ для обоихъ контрагентовъ или для одного изъ нихъ *опредѣленные* обязанности, соотвѣтствующія такимъ же опредѣленнымъ правамъ другой стороны. Является вопросъ: какія именно обязательства рождаетъ бракъ, какъ договоръ? Юристы по своему усмотрѣнію выставляютъ то одну, то другую составную часть брачной жизни, какъ главное содержаніе брачнаго контракта. Такъ одни указываютъ на рожденіе дѣтей, другіе — на удовлетвореніе половой потребности, третьи — на договоръ взаимной помощи и содержанія, какъ на существо брачнаго контракта. Но — какъ справедливо замѣтилъ Вальтеръ * — подобныя опредѣленія принятыя и нѣкоторыми кодексами ошибочны, и брачный договоръ производитъ не опредѣленные, частныя обязательства, подобно другимъ договорамъ, а совсѣмъ другаго рода правовое отношеніе — общеніе интересовъ всей жизни двухъ лицъ. Вотъ почему другіе совсѣмъ отрицаютъ договорный характеръ брака (Гегель, Аренсъ, Тренделенбургъ) и видятъ въ немъ правовое явленіе *sui generis*, не имѣющее ничего общаго съ договорнымъ правомъ. Какъ бы то ни было, будемъ ли относить бракъ къ категоріи договоровъ или отведемъ ему особое мѣсто въ системѣ права (послѣднее во всякомъ случаѣ будетъ вѣрнѣе), несомнѣнно то, что онъ есть институтъ права въ полномъ смыслѣ.

* *Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart*, 1863, p. 130.

У насъ законъ нигдѣ не даетъ опредѣленія брака, но косвенно даетъ понять (напр. въ ст. 1113 т. X, ч. 1), что онъ видитъ въ немъ только церковное таинство или, лучше сказать, религіозный актъ. Этотъ взглядъ, какъ извѣстно, поддерживается кассационнымъ сенатомъ въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ. Но нетрудно доказать, что этотъ взглядъ ошибоченъ, даже съ точки зрѣнія русскаго права. Справедливо, что законодательство наше придастъ преимущественное значеніе религіозному моменту въ бракѣ. Съ этой стороны вѣрно мнѣніе, высказанное уже давно, что по Своду бракъ есть институтъ естественный и нравственный, а не гражданско-политическій, брачующіеся разсматриваются какъ люди, а не граждане, и церковные законы имѣютъ здѣсь преобладаніе *. Но внутренняя несостоятельность этого взгляда привела къ тому, что самъ законъ во многомъ отъ него отступаетъ. Это видно изъ слѣдующаго.

1.— Законъ признаетъ бракъ съ правовой стороны и тамъ, гдѣ религіозное его значеніе положительно отрицается самими брачующимися (см. ст. 76 Зак. Гражд.).

2.— У насъ есть много правилъ о бракѣ, которыя не имѣютъ никакого основанія въ каноническихъ законахъ (напр. разрѣшеніе начальства для вступленія въ бракъ) и обязательная сила которыхъ признается церковью только потому, что „Христіанская Церковь всякую законную власть въ обществѣ признаетъ благоустроенною и всегда ограждаетъ своимъ вліяніемъ законныя отношенія подчиненности“ **, а не въ силу церковнаго ученія о бракѣ.

3.— У насъ есть даже такіа правила о бракѣ, которыя противорѣчатъ каноническимъ правиламъ (правила о смѣшанныхъ бракахъ), или не согласны съ ихъ духомъ и направленіемъ (напр. ограниченіе свободы военнослужащихъ относительно вступленія въ бракъ).

Если имѣть въ виду эти факты, нельзя не убѣдиться, что

* Якубовскій въ Zeitschrift f. Gesetzg. u. Rechtsw. d. Ausl., B. XV, p. 214.

** Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., кн. 2, 392.

признаніе закономъ брака за религіозный актъ есть чисто формальное, но не характеризуетъ безусловно дѣйствительнаго состоянія нашего брачнаго права. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай видѣть, что вопросъ о характерѣ брака по нашему закону имѣетъ практическое значеніе и для предметовъ настоящаго изложенія. Теперь же перейдемъ къ юридическимъ послѣдствіямъ брака во время его существованія и остановимся на томъ вліяніи, которое оказываетъ бракъ на личное положеніе брачующихся.

Здѣсь предстоитъ разрѣшить вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣетъ бракъ на подопечное состояніе лицъ вступающихъ въ оный? Гражданское совершеннолѣтіе достигается на 21 году, а вступленіе въ бракъ возможно для мужчины по достиженіи 18-лѣтняго возраста, для женщины — 16-лѣтняго. Спрашивается: если вступившіе въ бракъ не достигли 21 года, имѣетъ ли бракъ какое-нибудь вліяніе на ихъ подопечное состояніе, и если имѣетъ — то какое именно?

Здѣсь слѣдуетъ различить два вопроса: 1) относительно обоихъ супруговъ — не служитъ ли бракъ поводомъ къ эманципациі ихъ изъ подъ опеки? 2) Относительно жены — если первый вопросъ разрѣшается отрицательно, то не переходитъ ли опекуновское надъ ней право отъ прежняго опекуна къ мужу? Здѣсь мы будемъ говорить только о первомъ вопросѣ, а второй будетъ рассмотрѣнъ при изложеніи взаимныхъ отношеній супруговъ.

По французскому праву (Code civil, art. 476) вступленіе въ бракъ несовершеннолѣтняго освобождаетъ его отъ опеки во всякомъ случаѣ, находился ли онъ подъ опекой родителей или постороннихъ лицъ. Постановленіе это мотивируется французскими юристами слѣдующимъ образомъ. 1) Родители и вообще восходящіе могутъ добровольнымъ актомъ эманципировать находящееся въ зависимости отъ нихъ лицо. 2) Согласіе этихъ лицъ на вступленіе въ бракъ необходимо, безъ него бракъ не дѣйствителенъ. 3) Слѣдовательно, если малолѣтній вступилъ въ бракъ, то не иначе, какъ съ согласіемъ восходящихъ родственниковъ или

опекуна. 4) Это согласіе законъ разсматриваетъ какъ актъ подразумѣваемой эманципаціи. Согласившись на то, чтобъ несовершеннолѣтній устроилъ свой домашній очагъ, пріобрѣлъ хозяйственную самостоятельность, опекуны его тѣмъ самымъ изъяснили согласіе на освобожденіе его изъ подъ опеки въ виду признанной ими его благонадежности и умственной развитости. 5) Относительно мужчины, который вступая въ бракъ пріобрѣтаетъ личную власть надъ женой и будущими дѣтьми, несообразно было бы допустить, что онъ, управляя другими, самъ долженъ еще находиться въ зависимости отъ опеки. 6) Женщина тоже со вступленіемъ въ бракъ пріобрѣтаетъ значительную долю самостоятельности; притомъ-же она дѣлается зависимою отъ мужа, который играетъ по отношенію къ ней роль опекуна. Поэтому нѣтъ основанія и практически неудобно было бы удержатъ прежнюю надъ нею власть опекунскую. Вообще семейство, которое признаетъ своего несовершеннолѣтняго члена достаточно зрѣлымъ для вступленія въ бракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣло бы удержатъ его въ опекѣ, впало бы въ необъяснимое противорѣчіе *. Правило французскаго кодекса основано на исконныхъ германскихъ обычаяхъ и потому, по мнѣнію Краута (автора лучшаго до сихъ поръ сочиненія объ опекѣ), оно должно дѣйствовать и въ предѣлахъ такъ-называемаго общегерманскаго права **.

Нетрудно видѣть, что соображенія эти, а слѣдовательно и основанное на нихъ правило, мало примѣнимы къ русскому праву. 1) У насъ согласіе родителей и опекуновъ не есть условіе необходимое для дѣйствительности брака, стало быть нельзя сказать, что каждый бракъ предполагаетъ согласіе кого слѣдуетъ на эманципацію брачущагося. 2) Даже тамъ, гдѣ согласіе на бракъ дано самымъ торжественнымъ образомъ, нельзя видѣть въ немъ подразумѣваемой эманципаціи по той простой причинѣ, что у насъ совсѣмъ нѣтъ эманципаціи, вытекающей изъ доброй

* Oudot, Du droit de famille, 1867, p. 387.

** Виндшейдъ, Pandekten, 3. Aufl, B. II, p. 437, прим. 5.

воли родителей или семейнаго совѣта. 3) Со вступленіемъ въ бракъ мужчина не приобретаетъ собственно опекунаго права надъ женщиной (по крайней мѣрѣ въ отношеніи имущественномъ), а жена въ свою очередь не подпадаетъ подъ опеку мужа. Поэтому отпадаетъ часть соображеній изложенныхъ выше относительно французскаго права. — Такимъ образомъ остается одно то соображеніе, что есть несомнѣнное противорѣчіе между самостоятельностью, приобретаемой брачующимися въ своей семьѣ, и зависимостью ихъ на прежнемъ основаніи отъ опеки. Но этотъ логическій доводъ самъ по себѣ недостаточно силенъ, если не найти ему подтвержденія въ положительномъ законѣ. Мнѣ извѣстно рѣшеніе одного міроваго судьи, который вскорѣ по введеніи въ той мѣстности судебныхъ уставовъ, когда „внутреннее убѣжденіе“ принималось еще многими за главный руководитель новаго суда по совѣсти, призналъ, что женщина несовершеннолѣтняя должна отвѣчать за выданное ею безъ согласія опеки обязательство на томъ основаніи, что она была замужемъ: лицо, признанное достаточно зрѣлымъ для принятія на себя столь серьезныхъ обязанностей, какія сопряжены съ бракомъ, должно считаться и довольно зрѣлымъ для мелкихъ денежныхъ обязательствъ — таковъ былъ мотивъ этого рѣшенія. Разумѣется, оно было отмѣнено съѣздомъ и юристы видѣли въ немъ верхъ несообразности. Но читатель можетъ видѣть, что въ мотивѣ этомъ есть серьезный юридическій смыслъ, который принимается во вниманіе болѣе развитыми законодательствами, чѣмъ наше. Если однако же обратиться къ закону, мы найдемъ слѣдующее.

Возьмемъ случай болѣе обыкновенный, когда несовершеннолѣтній, вступающій въ бракъ, находится подъ опекой родителей. Родители суть естественные опекуны своихъ дѣтей, если по какой-нибудь причинѣ не назначены къ нимъ другіе опекуны. Замѣтимъ здѣсь кстати, что пунктъ этотъ не ясно понимается нѣкоторыми изъ нашихъ юристовъ. Такъ г. Юрѣневъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: родители управляютъ имѣніемъ дѣтей на правѣ опекунаго. Одна родительская власть не даетъ еще

права быть законнымъ представителемъ малолѣтняго: поэтому и на судѣ представителемъ малолѣтняго можетъ быть только его опекунъ. Между тѣмъ, ст. 19 Уст. Гражд. Суд. говоритъ: „за всѣхъ состоящихъ подъ опекой ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ ихъ родители или опекунъ“. Редакція этой статьи, по мнѣнію г. Юренева, ошибочна *. — Разсужденіе это не вѣрно. Ст. 19 Уст. Гражд. Суд. повторяетъ только въ болѣе сжатой формѣ содержаніе ст. 171 Т. X, ч. 2 („мѣсто малолѣтнихъ заступаютъ на судѣ опредѣленные къ нимъ опекуны, а мѣсто малолѣтнихъ, кои опекуновъ не имѣютъ, — родители ихъ и стряпчіе“) и нисколько не противорѣчитъ правиламъ гражданскихъ законовъ. Дѣло въ томъ, что хотя родители управляютъ имуществомъ дѣтей на томъ же основаніи, какъ опекуны посторонніе, но они пользуются этимъ правомъ по естественному своему положенію, тогда какъ другой опекунъ долженъ быть созданъ завѣщаніемъ или распоряженіемъ опекунской власти. У родителя опекунское право *предполагается*, пока не будетъ доказано, что имѣется другой опекунъ, тогда какъ постороннее лицо, являющееся въ судѣ въ качествѣ опекуна, должно предварительно доказать свое званіе — таковъ смыслъ упомянутыхъ статей Т. X, ч. 2 и Уст. Гражд. Суд., и ошибки въ редакціи тутъ никакой нѣтъ.

Итакъ, родители имѣютъ естественное опекунское право относительно малолѣтнихъ дѣтей. Законъ различаетъ двѣ составныя части этого права: личную власть надъ дѣтьми и завѣдываніе ихъ имуществомъ. Относительно вліянія брака на первую часть опекунскаго права родителей имѣемъ указанія въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ: по ст. 108 зак. гражд. жена обязана преимущественнымъ повиновеніемъ волѣ своего супруга, хотя притомъ и не освобождается отъ обязанностей въ отношеніи къ ея родителямъ. Такъ какъ не сказано, какія именно обязанности къ родителямъ остаются на дочери послѣ брака и какъ разрѣшить столкновенія между двумя

* Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1872 г., кн. 2, 352.

властями мужа и родителей, то нельзя отсюда вывести никакого определеннаго заключенія по нашему вопросу. — Ст. 179: „личная родительская власть не прекращается, но ограничивается.... вступленіемъ дочери въ замужество, поелику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружняя, совершенно удовлетворить не въ состояніи, и дочь, основавшая домъ свой и прильпившаяся къ мужу, не можетъ быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія находящіяся при нихъ дѣти.“ Тутъ опять та же неопредѣленность выраженій, изъ которыхъ нельзя сдѣлать никакого юридическаго вывода. Если спросимъ себя: продолжается ли послѣ брака дѣтей обязанность родителей заботиться объ ихъ пропитаніи, воспитаніи и пр. (ст. 172 — 174 Зак. Гр.), то не найдемъ ни въ упомянутыхъ статьяхъ, ни въ другихъ законахъ никакого указанія на разрѣшеніе этого вопроса. Съ одной стороны отсутствіе изъятія въ законѣ заставляетъ признавать, что несовершеннолѣтній сынъ напр. можетъ и по вступленіи въ бракъ требовать отъ родителей пропитанія. Точно также дочь вышедшая замужъ можетъ требовать содержанія отъ родителей, хотя обязанность пропитанія ея лежитъ уже на мужѣ, ибо если обязанности ея къ родителямъ не прекратились (ст. 108 и 179), то и права должны существовать въ добрачномъ ихъ состояніи. Съ другой стороны въ пользу освобожденія родителей отъ этихъ обязанностей говоритъ то, что бракъ обыкновенно влечетъ за собой отдѣленіе дѣтей отъ родительскаго дома, обезпеченіе ихъ со стороны родителей выдѣломъ части имущества и подготовкой къ имущественной самостоятельности. Относительно освобожденія родителей отъ обязанности содержать малолѣтнюю дочь вышедшую замужъ, можно представить два довода. Во-первыхъ, при бракѣ дочерей обыкновенно имъ выдѣляется приданое, которое имѣетъ своимъ назначеніемъ замѣнить собой имущественныя претензіи ихъ къ родительской семьѣ и служить фондомъ обезпеченія ихъ въ замужествѣ. Если приданое можетъ даже замѣнить собой наслѣдственные права женщины въ иму-

щества родителей (ст. 1001 — 1005 Зак. Гр.), то тѣмъ болѣе въ полученіи приданого можно видѣть отказъ дочери отъ права на пособіе изъ имущества родителей при ихъ жизни. Во-вторыхъ, нѣтъ никакого смысла удерживать для женщины двойное право на пропитаніе изъ имѣнія родителей и мужа. Последнее должно считаться достаточнымъ для обезпеченія и нѣтъ основанія присвоивать одному лицу двойныя права одного и того же рода.

Въ томъ случаѣ, если бракъ состоялся безъ согласія родителей уничтоженіе обязанности, возложенной на нихъ въ ст. 172, по нашему мнѣнію, вытекаетъ изъ ст. 1566 Улож. о нак. На основаніи этой статьи, дѣти вступившія въ бракъ безъ согласія родителей могутъ быть послѣдними лишены наслѣдства. Допустить, что при такомъ положеніи на родителяхъ лежитъ обязанность пропитанія дѣтей, вступившихъ въ бракъ безъ ихъ согласія, значило бы допустить явную несообразность въ законѣ: большее право всегда заключаетъ въ себѣ меньшее, а лишеніе наслѣдства есть большее нарушеніе естественныхъ правъ дѣтей въ семьѣ, чѣмъ лишеніе права пропитанія.

Что касается опекунской власти родителей надъ имуществомъ дѣтей, то только относительно губерній черниговской и полтавской есть положительное правило, что право это по отношенію къ дочерямъ прекращается выходомъ ихъ замужъ (ст. 295 Зак. Гр.). Изъ этой статьи нельзя вывести никакого заключенія ни про, ни contra существованія такого же правила по общему закону. Затѣмъ есть еще правило относительно государственныхъ крестьянъ, что при выходѣ дѣвицъ замужъ, опека надъ ними прекращается и питомцы вступаютъ сами во владѣніе своимъ имуществомъ (ст. 323 Зак. Гр.); но мы увидимъ послѣ, что и этотъ законъ не даетъ надежной точки опоры по этому предмету. Никакихъ указаній нѣтъ на вліяніе брака на опеку не родителей, а постороннихъ лицъ.

Въ суммѣ мы получаемъ слѣдующее: законъ нигдѣ не устанавливаетъ правила о томъ, какое вліяніе имѣетъ бракъ на подопечное состояніе брачующихся. Но съ другой стороны бракъ производитъ такую значительную переиѣну въ иму-

щественномъ и личномъ положеніи несовершеннолѣтняго, что довольствоваться простымъ утвержденіемъ, будто онъ юридически не имѣетъ никакого значенія относительно опеки, невозможно. Тѣ самыя практическія потребности, которыя въ другихъ странахъ вызвали правила эманципации бракомъ, дѣйствуютъ у насъ и вызвали не общій принципъ, но нѣсколько частныхъ и мѣстныхъ правилъ. Правила эти касаются единственно несовершеннолѣтнихъ женщинъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что женщины гораздо чаще мужчинъ вступаютъ въ бракъ въ состояніи несовершеннолѣтія. Во-вторыхъ въ виду того, что выходя замужъ женщина становится въ зависимость личную, а отчасти и имущественную отъ мужа; поэтому неизмѣнное состояніе опекунской надъ нею власти было бы вдвойнѣ неудобно. Остается желать только, чтобы идея, уже просвѣчивающая въ законѣ объ освобождающемъ значеніи брака, относительно опеки, была обобщена и принята во вниманіе при предстоящемъ въ непродолжительномъ времени пересмотрѣ нашихъ законовъ объ опекахъ.

Другой вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію подъ этой рубрикой, заключается въ слѣдующемъ: какое вліяніе имѣетъ бракъ на опредѣленіе мѣста жительства (*domicilium*) жены, именно по отношенію къ подсудности? Дѣло въ томъ, что по закону супруги обязаны жить вмѣстѣ, т. е. жена предполагается закономъ живущей тамъ же, гдѣ и мужъ. Когда предположеніе это фактически вѣрно, тогда жена конечно будетъ подсудна тому же суду, въ округѣ котораго живетъ мужъ, уже по одной той причинѣ, что и она живетъ тамъ же. Но, какъ мы увидимъ послѣ, не только фактически, но и юридически возможны многіе случаи, когда жена живетъ отдѣльно отъ мужа. Спрашивается, продолжается ли и въ этомъ случаѣ ея подсудность по жительству мужа или тутъ имѣетъ значеніе мѣсто ея фактическаго пребыванія? По этому вопросу у насъ существуетъ два мнѣнія.

Московская Судебная Палата по одному дѣлу установила слѣдующій взглядъ. По силѣ ст. 103 Зак. Гр. жена по предъявленнымъ къ ней искамъ подсудна тому суду, въ округѣ котораго мужъ

имѣть осѣдлость, хотя бы она въ то время не жила съ нимъ, а въ другомъ мѣстѣ *.

Палата держится стало быть строго - формальнаго взгляда, утверждая, что при опредѣленіи того постояннаго мѣста жительства, о которомъ говоритъ ст. 203 Уст. Гр. Суд., нужно имѣть въ виду не фактическое пребываніе, какъ единственное основаніе, но въ случаяхъ, когда законъ по тому или другому поводу признаетъ жительство отвѣтчика въ данномъ мѣстѣ, подсудность должна опредѣляться именно этими законными презумпціями домициля.

Другаго мнѣнія г. Побѣдоносцевъ, утверждающій слѣдующія положенія: „подсудность опредѣляется вообще дѣйствительнымъ, а не предполагаемымъ мѣстомъ жительства; хотя бы предположеніе основано было на законѣ, опредѣляющемъ признаки мѣста жительства... Поелику мужъ и жена раздѣлены въ правахъ по имуществу, то нѣтъ основанія въ искахъ по имуществу привлекать жену къ суду по мѣсту жительства мужа, если она живетъ отдѣльно, хотя бы жена и не могла оправдать предъ закономъ свое отдѣльное жительство“ **.

Въ другихъ странахъ новыя процессуальныя законы склонны признавать подсудность жены независимую отъ мѣста жительства мужа и въ томъ случаѣ, когда раздѣльная жизнь супруговъ не имѣетъ легальнаго оправданія; между тѣмъ какъ прежніе законы различали *domicilium voluntarium* и *necessarium* и къ послѣднему относили подсудность замужней женщины по жительству мужа. Это различіе между прежними и новыми законодательствами объясняется тѣмъ, что современное право по возможности избѣгаетъ фикцій всякаго рода и относительно подсудности придаетъ значеніе только фактическому пребыванію ***. Когда дѣло идетъ о гражданскомъ процессѣ, суду нѣтъ никакого дѣла до того, на какомъ основаніи отвѣтчикъ живетъ здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему можетъ быть слѣдовало бы жить по требованію закона; опредѣленіе подсуд-

* Опредѣленія Моск. Суд. Пал. за 1867 г., № 4.

** Судебное руководство, тезисы 44 и 316.

*** Эндеманъ, *Deutsches Civilprocessrecht*, p. 203.